

Republica Moldova

CURTEA CONSTITUȚIONALĂ

Перевод

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ

обращения № 170а/2020 г.

о толковании ст. 70 ч. (3) Конституции и о контроле конституционности
ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса

КИШИНЭУ

13 мая 2021 г.

Конституционный суд в составе:

Домника МАНОЛЕ, *председатель*,
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН,
Владимир ЦУРКАН, *судьи*,

при участии *помощника судьи*, Думитру Аворника,

Принимая во внимание обращение,
зарегистрированное 4 ноября 2020 г.,
рассмотрев приемлемость указанного обращения,
учитывая акты и материалы дела,
проведя обсуждение в совещательной комнате 13 мая 2021 г.,

выносит следующее определение:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Основанием для рассмотрения дела послужило обращение, представленное в Конституционный суд 4 ноября 2020 года, в соответствии со ст. 135 ч. (1) п. а) и п. б) Конституции, ст. 25 п. г) Закона о Конституционном суде и ст. 38 ч. (1) п. г) Кодекса конституционной юрисдикции, депутатами Парламента Республики Молдова Сергеем Сырбу и Корнелиу Падневич.

2. Авторы обращения просят Конституционный суд дать толкование ст. 70 ч. (3) Конституции и прояснить следующие вопросы:

а) Гарантирует ли в полной мере парламентский иммунитет, предусмотренный в ч. (2) ст. 70 Конституции и действующий только в случае ограничительных процессуальных мер – задержания, ареста, обыска (кроме задержания на месте преступления) и привлечения к судебной ответственности, прямо и исчерпывающе перечисленных в этой норме, разделение властей в государстве, сохранение парламентской автономии и целостности Парламента, защиту оппозиции в Парламенте, а также защиту парламентского мандата?

б) Распространяется ли иммунитет депутата на специальные розыскные мероприятия, такие как прослушивание, наблюдение и другие действия, ограничивающие основные права и независимость депутата?

3. Вместе с тем, авторы обращения просят Конституционный суд проверить конституционность ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса.

ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

4. Применимые положения Конституции:

Статья 1

Государство Республика Молдова

«[...]

(3) Республика Молдова – демократическое правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются».

Статья 20

Свободный доступ к правосудию

«(1) Любое лицо имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными судами в случае нарушения его прав, свобод и законных интересов.

(2) Ни один закон не может ограничить доступ к правосудию».

Статья 23

Право каждого человека на знание своих прав и обязанностей

«(1) Каждый человек имеет право на признание его правосубъектности.

(2) Государство обеспечивает право каждого человека на знание своих прав и обязанностей. С этой целью государство публикует все законы и другие нормативные акты и обеспечивает их доступность».

Статья 26

Право на защиту

«(1) Право на защиту гарантируется.

(2) Каждый человек имеет право самостоятельно реагировать законными способами на нарушение своих прав и свобод.

(3) На протяжении всего процесса стороны имеют право пользоваться помощью адвоката, выбранного или назначенного.

(4) Вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих защиту в установленных пределах, наказывается законом».

Статья 28

Интимная, семейная и частная жизнь

«Государство уважает и охраняет интимную, семейную и частную жизнь».

Статья 70

Несовместимость и неприкосновенность

«[...]

(3) Депутат не может быть задержан, арестован, подвергнут обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, или привлечен к судебной ответственности без согласия Парламента, данного после заслушивания депутата».

5. Применимые положения Уголовно-процессуального кодекса, утвержденного Законом № 122 от 14 марта 2003 года:

Статья 63

Подозреваемый

«(1) Подозреваемым является физическое лицо, в отношении которого имеются доказательства в совершении им преступления, до предъявления ему обвинения. Лицо может быть признано подозреваемым одним из следующих процессуальных актов:

- 1) протоколом о задержании;
- 2) постановлением или определением о применении меры пресечения, не связанной с лишением свободы;
- 3) постановлением о признании лица в качестве подозреваемого.

(1¹) Постановление о признании лица подозреваемым и информация о правах, предусмотренных статьей 64, доводятся до сведения лица в течение 5 дней с момента вынесения постановления, но не позднее дня явки подозреваемого или его привода либо момента начала производства в отношении него первого процессуального действия. В случае необходимости назначения специальных розыскных мероприятий в отношении подозреваемого ознакомление лица с постановлением о признании его подозреваемым и информацией о его правах откладывается с разрешения судьи по уголовному преследованию на основании мотивированного постановления прокурора на 30-дневный срок с возможностью обоснованного продления его до 3 месяцев. В случае преступлений, относящихся к организованной преступности, отмыванию денег, преступлений террористического характера, коррупционных преступлений и преступлений, связанных с коррупцией, срок отложения ознакомления может быть продлен до 6 месяцев с разрешения судьи по уголовному преследованию на основании ходатайства прокурора. Каждое продление срока отложения ознакомления лица с постановлением о признании его подозреваемым и информацией о его правах не может превышать 30 дней.

[...].»

ВОПРОСЫ ПРАВА

А. Аргументы авторов обращения

6. Относительно ст. 70 ч. (3) Конституции, в которой содержатся положения о неприкосновенности депутатов, авторы обращения считают, что в случае, если следственные органы считают необходимым проведение специальных розыскных мероприятий в отношении депутатов, они должны запрашивать согласие Парламента, как в случаях задержания, ареста, обыска или привлечения к судебной ответственности. По их мнению, специальными розыскными действиями совершается вмешательство в право на частную жизнь депутата, гарантированное ст. 28 Конституции. В этом смысле, авторы обращения считают, что для обеспечения справедливого равновесия между конкурирующими интересами Конституционному суду необходимо дать толкование ст. 70 ч. (3) Конституции с тем, чтобы установить обязательное соблюдение требования о согласии Парламента в случае проведения специальных розыскных мероприятий. Авторы обращения отмечают, что Республика Молдова находится в процессе утверждения демократического строя и имеет политический опыт авторитарных решений. В такой обстановке не исключается вмешательство других органов или властей в повседневную

деятельность Парламента и невозможно полностью обеспечивать независимость судебной власти. Поэтому необходимо расширить парламентский иммунитет на разные и важные для депутата аспекты, чтобы гарантировать в полной мере его независимость. Они считают неясным тот факт, почему защита парламентской неприкосновенности действует в отношении ограничительной процессуальной меры обыска, но не действует в отношении других мер уголовного преследования с такими же последствиями, как прослушивание, наблюдение за домом с использованием технических средств, визуальное наблюдение и др.

7. Оспаривая ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса, авторы обращения отмечают, что уголовное преследование проводится в отношении деяния (*in rem*) и лица (*in personam*). Конституционный суд в Определении № 12 от 7 февраля 2017 года указал, что, когда уголовное преследование проводится в отношении лица, следственные органы должны обеспечить ему все гарантии, присущие уголовному обвинению. Данная обязанность действительна и в случае уголовного преследования в отношении особого субъекта – депутата. Авторы обращения отмечают, что, по смыслу ст.6 Европейской конвенции, возбуждение уголовного дела в отношении особого субъекта носит характер уголовного обвинения. Оспариваемая норма не обязывает следственные органы признавать подозреваемым особого субъекта, в отношении которого было начато уголовное преследование. Постановление о возбуждении уголовного преследования по преступлению, совершенному особым субъектом, должно быть четко предусмотрено в ст. 63 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, поскольку это постановление подразумевает объективное обстоятельство, связанное со статусом субъекта преступления, которое не оценивается в зависимости от случая. По мнению авторов обращения, этот пробел нарушает право лица на защиту, право на ознакомление с содержанием предъявленного обвинения и процессуальными правами, а также право на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, этот пробел вызывает состояние продолжительной правовой неопределенности, что противоречит принципу качества закона, нарушает право на защиту, право на репутацию и право на рассмотрение дела в разумные сроки. По мнению авторов обращения, в связи с тем, что ст. 63 ч.(1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса не предусматривает постановление о возбуждении уголовного преследования по преступлению, совершенному особым субъектом, она противоречит ст. 1 ч. (3), ст.20, ст. 23, ст. 26 и ст. 28 Конституции.

В. Оценка Конституционного суда

8. Рассмотрев с точки зрения приемлемости обращение, Конституционный суд отмечает следующее.

9. Предметом рассматриваемого обращения является толкование ст. 70 ч.(3) Конституции и контроль конституционности ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса.

10. В соответствии со ст. 135 ч. (1) п. а) и п. б) Конституции, конституционный контроль законов и толкование Конституции входят в сферу компетенции Конституционного суда.

11. Согласно ст. 25 п. г) Закона о Конституционном суде и ст. 38 ч. (1) п. г) Кодекса конституционной юрисдикции, депутаты Парламента обладают правом обращения в Конституционный суд.

О толковании ст. 70 ч. (3) Конституции

12. Авторы обращения просят Конституционный суд расширить путем толкования действие понятия парламентского иммунитета на проведение специальных розыскных мероприятий в отношении депутата. В практике Конституционного суда было отмечено, что парламентский иммунитет не препятствует проведению любых действий уголовного преследования в отношении депутата (см. ПКС № 2 от 20 января 2015 г., § 68). Статья 70 ч. (3) Конституции устанавливает, что депутат пользуется парламентской неприкосновенностью только в отношении задержания, ареста, обыска, за исключением случаев задержания на месте преступления, или привлечения к судебной ответственности. В этих случаях Конституция предусматривает необходимость согласия Парламента на проведение мер уголовного преследования в отношении депутата лишением его парламентской неприкосновенности. Конституция не предусматривает, что депутат пользуется парламентской неприкосновенностью в других случаях. В связи с этим, следственные органы могут возбудить уголовное преследование или проводить в отношении депутата другие действия уголовного преследования (не предусмотренные Конституцией) без согласия Парламента. Отсюда следует, что парламентский иммунитет ограничен, его защита действует только в отношении ограничительных процессуальных мер, четко и исчерпывающе перечисленных в Конституции (см. ПКС № 2 от 20 января 2015 г., §§ 69-70). Распространение данного понятия на проведение в отношении депутата специальных розыскных мероприятий, по сути, означает придать парламентскому иммунитету абсолютный характер. В этом контексте, Конституционный суд отмечает, что он обладает полномочиями по толкованию конституционных норм, но предметом обращения все-таки является не толкование Конституции, а скорее всего ее изменение. Следовательно, в этой части обращение является неприемлемым.

О контроле конституционности ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса

13. Авторы обращения считают, что ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса противоречит положениям ст. 1 ч. (3) [*верховенство права*], ст. 20 [*свободный доступ к правосудию*], ст. 23 [*ясность закона*], ст. 26 [*право на защиту*] и ст. 28 [*интимная, семейная и частная жизнь*] Конституции.

14. Конституционный суд в своей практике подчеркнул, что ст. 1 ч. (3) Конституции не имеет самостоятельного значения. Ссылка на данную статью возможна, главным образом, в случае ее применения вместе с другими положениями Конституции (см. ПКС № 7 от 4 марта 2021, § 16).

15. Что касается действия ст. 23 Конституции, авторы обращения отмечают, что упущение законодателя закрепить в ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса положение о том, что постановление о возбуждении уголовного преследования по преступлению, совершенному особым субъектом, является процессуальным актом, который обязывает следственные органы признавать лицо подозреваемым, вызывает для тяжущихся состояние продолжительной правовой неопределенности. Исходя из практики ЕСПЧ (см. выше §§ 17-21), Конституционный суд отмечает, что вопрос, затронутый в обращении, относится, по сути, к соблюдению разумного срока на стадии уголовного преследования, являясь требованием, установленным ст. 20 Конституции.

16. По вопросу действия ст. 20 и ст. 26 Конституции авторы обращения отмечают, что возбуждение уголовного преследования в отношении особого субъекта имеет значение обвинения по уголовному делу. Конституционный суд отмечает, что ЕСПЧ в своей практике оперирует понятием «обвинение по уголовному делу», чтобы определить момент начала «разумного срока» рассмотрения дела, установленного в ст. 6 § 1 Конвенции (см. дело *Пантя против Румынии*, решение от 3 июня 2003 г., § 275).

17. ЕСПЧ установил, что понятие «обвинение по уголовному делу» может быть определено как «официальное уведомление со стороны компетентного органа о наличии подозрений в совершении уголовного деяния», определение, которое зависит также от наличия или отсутствия «важных последствий для положения (лица)» (*Ibrahim и другие против Соединенного Королевства* [БП, решение от 13 сентября 2016 г., § 249; *Simeonovi против Болгарии* [БП], решение от 12 мая 2017 г., § 110).

18. Чтобы выяснить, если возбуждение уголовного преследования в отношении лица составляет обвинение по уголовному делу, Конституционный суд изучил практику ЕСПЧ.

19. Так, в решении по делу *Von Hoffen против Лихтенштейна*, 27 июля 2006 г., ЕСПЧ указал, что разумный срок рассмотрения дела начал течь с момента возбуждения уголовного преследования в отношении заявителя, учитывая, что после этого следственные органы провели в отношении заявителя ряд мероприятий уголовного преследования – вынесли приказ об аресте, произвели обыск и др. (см § 36 решения). Такой же подход ЕСПЧ использовал при рассмотрении дел *Резов против Болгарии*, 15 февраля 2007

г., § 50, *Polz против Австрии*, 25 октября 2011 г., § 45, и *Григорьев против России*, 23 октября 2012 г., § 91.

20. С другой стороны, в решении по делу *Мацкус против России*, 21 февраля 2008 г., ЕСПЧ указал, что разумный срок рассмотрения дела начал течь с момента ареста заявителя, хотя уголовное преследование началось за день до этого (см. § 71 решения). В решении по делу *Kiršteins против Латвии*, 20 октября 2016 г., ЕСПЧ заключил, что разумный срок рассмотрения дела начал течь с момента проведения допроса заявителя в качестве подозреваемого, хотя уголовное преследование началось за несколько месяцев до этого. В этом случае ЕСПЧ отметил, что не было доказано, что до того, как в отношении заявителя был произведен официальный допрос в качестве подозреваемого, его положение существенно изменилось (см. § 27 решения).

21. В заключение, Конституционный суд отмечает, что **возбуждение уголовного преследования в отношении лица не является обвинением по уголовному делу, в абстрактном и общем значении**. Данная мера уголовного преследования может приобрести характер уголовного обвинения только в зависимости от ее последствий для положения конкретного лица и от характера последующих, предпринятых после возбуждения уголовного преследования мер. В связи с тем, что орган конституционной юрисдикции не может проверить характер последствий возбуждения уголовного преследования в частных случаях – его полномочия ограничиваются анализом абстрактного вмешательства, Конституционный суд отмечает, что в случае рассматриваемого упущения авторы обращения не доказали действие ст. 20 и ст. 26 Конституции.

22. Что касается действия ст. 28 Конституции, Конституционный суд установил, что авторы обращения не обосновали противоречие оспариваемых положений указанной конституционной норме. В подобных случаях Конституционный суд отклонил представленные обращения как неприемлемые и уточнил, что простая отсылка к норме Конституции, без объяснения предполагаемого несоответствия ей оспариваемых законодательных положений, не является аргументом (ПКС № 12 от 6 апреля 2021, § 31 и приведенная в нем практика). Таким образом, в этой части обращение считается неприемлемым.

23. Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд заключает, что обращение не отвечает требованиям приемлемости и не может быть принято к рассмотрению по существу.

Руководствуясь положениями ст. 135 ч. (1) п. а), п.б) и ст. 140 Конституции, ст. 26 Закона о Конституционном суде, ст.61 ч. (3) и ст. 64 Кодекса конституционной юрисдикции, Конституционный суд

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. *Признать неприемлемым* обращение о толковании ст. 70 ч. (3) Конституции и о контроле конституционности ст. 63 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовно-процессуального кодекса, представленное депутатами Парламента Республики Молдова Сергеем Сырбу и Корнелиу Падневич.

2. Настоящее определение является окончательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня принятия и публикуется в «Monitorul Oficial al Republicii Moldova».

Председатель

Домника МАНОЛЕ

*Кишинэу, 13 мая 2021 г.
ОКС № 62
Дело № 170а/2020 г.*